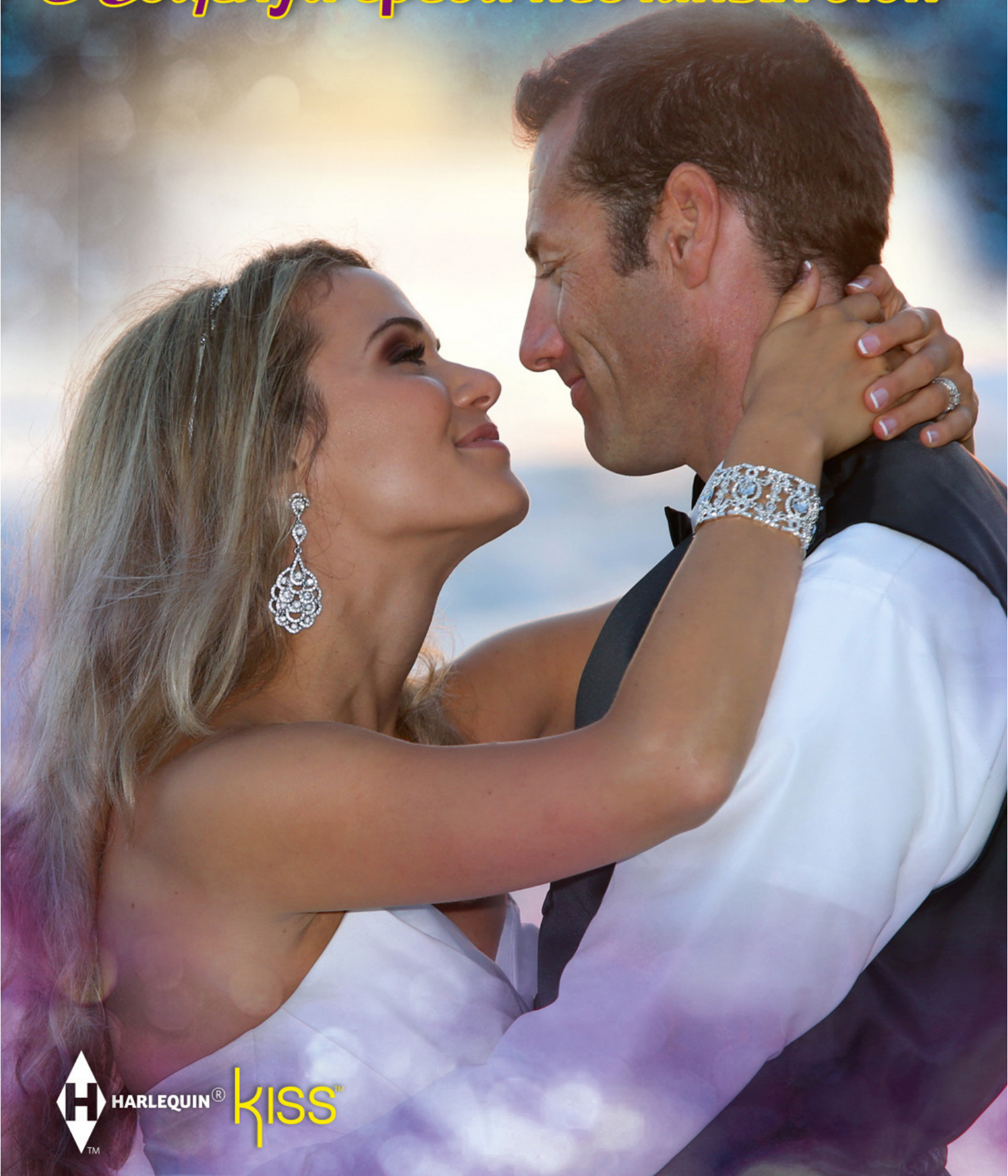

ЛИЯ АШТОН

Поцелуй среди песчаных дюн

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Лия Аштон

Поцелуй среди песчаных дюн

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Аштон Л.

Поцелуй среди песчаных дюн / Л. Аштон — «Центрполиграф»,
2016 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09239-7

Долгие годы Мила Молинье тайно вздыхала по своему другу детства Себастьяну Файфу. Но он женился на ее лучшей подруге и вместе с женой перебрался в Лондон. Спустя несколько лет Себ неожиданно появляется на ее пороге – одиноким, овдовевшим красавцем, который отчаянно нуждается в дружеской поддержке. Они договариваются быть только друзьями. Но их непреодолимо тянет друг к другу, и однажды они становятся любовниками. К несчастью, Себастьян не готов к серьезным отношениям: он боится повторить ошибки неудачного брака и причинить боль той, которая стала самым дорогим для него человеком...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09239-7

© Аштон Л., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лия Аштон

Поцелуй среди песчаных дюн

Billionaire from Her Past Copyright © 2016 Leah Ashton

«Поцелуй среди песчаных дюн» © «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2021

* * *

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

* * *

Моему папе, Джеффу.

Будь то теннисный матч, выводка лошадей, собеседование при приеме на работу или принятие решения по поводу карьеры, ты всегда поддерживал меня своими мудростью, позитивным настроем, любовью – и умением поворачивать понесшуюся вскачь лошадь. Спасибо за то, что всегда был рядом со мной. Я люблю тебя. Вперед, «Фрео»!

Пролог

Фиолетовый.

Именно он запечатлелся в памяти Милы Молинье.

И ядовито-розовый. Крокодилово-зеленый. Сочно-синий.

Так много цветов: яркие и пастельные, узоры в полосочку и горошек... Повсюду. На вечерних платьях, воздушных шарах и остроконечных колпаках. А еще на смятой лихорадочно содранной упаковочной бумаге, летавшей по газону.

Радуга счастливых, взбудораженных детей под великолепным небом Перта.

Тогда, много лет назад, Стефани точно красовалась в фиолетовом на своей вечеринке по случаю дня рождения. Фиолетовые колготки, фиолетовое платье и блестящие фиолетовые ковбойские сапоги.

Мила помнила, какой взволнованной была ее лучшая подруга в тот день. Она и сама волновалась – как любая восьмилетняя девчонка на праздновании дня рождения. Это было за несколько лет до их мрачного, готически черного периода в старших классах школы, поэтому Мила предположила, что на ней самой было надето что-то красное – ее любимого цвета. Но воспоминания об этом померкли, как забылось и то, во что был одет Себ. Но он тоже там присутствовал. Они составляли неразлучную троицу друзей, живших по соседству, хотя в ту пору Себ еще держался с девчонками по-мальчишески воинственно.

Но позже это изменилось.

Как и двор за домом Стефани.

Сегодня в саду мистера и миссис ван Берло не было ни воздушных шаров, ни лохмотьев разодранной упаковки, ни горы подарков, ни вопящих оживленных детей.

И уж точно никакого фиолетового и даже намека на многоцветье.

Гости, шатавшиеся среди высоких столов, на которых стояли изысканные композиции из белых цветов, были одеты в черное. В этом саду, где Стефани и Мила сотни раз играли в прятки, это казалось каким-то нереальным. Совершенно невозможным.

Как, впрочем, и все происходящее.

– Если кто-нибудь еще раз скажет мне, как нам сегодня повезло с погодой, я пошлю его куда подальше...

Себастьян Файф стоял рядом с ней, пристально глядя на темные фигуры гостей под зимним небом, не по сезону прекрасным. Голос Себа был сильным и звучным, как всегда.

Они много лет не разговаривали вот так, с глазу на глаз. А потом даже тонкая струйка их электронных писем и сообщений в соцсетях практически иссякла.

– Если кто-нибудь еще раз скажет тебе, как нам сегодня повезло с погодой, ты просто вежливо кивнешь – потому что, как никто, понимаешь, что трудно ободрить мужчину на похоронах его жены, – закончила за него Мила.

Соглашаясь, Себ вскинул стакан с нетронутым пивом в сторону Милы.

– Точно. – Тон Себа был усталым, как и его серо-голубые глаза. – Я и сам не знаю, что говорить на похоронах своей жены. Наверное, стоит перехватить инициативу и самому заводить разговор о погоде.

Мила выдавила из себя слабую улыбку:

– Делай все, что должен, лишь бы выдержать это. Лично я просто ни с кем не разговариваю.

Даже мать и две сестры Милы тактично дали ей столь нужное сейчас уединение. Но все-таки держались неподалеку – на тот случай, если она передумает.

– Бен здесь? – не глядя на нее, спросил Себ.

Мила покачала головой:

– Нет. Мы расстались.

Это произошло несколько месяцев назад. Стеф была в курсе, но явно не поделилась этой новостью с Себом.

Они долго стояли на месте, храня молчание. Себ, высокий, солидный и мужественный в своем безупречном строгом костюме, напоминал успешного бизнесмена, которым, собственно, и был. Но не заметить безучастность на его лице и пустоту в глазах было невозможно.

Официантка предложила канапе, от которых оба отказались. Мила покрутила в бокале остатки шираза, но пить не стала.

Ей отчаянно хотелось что-нибудь сказать. Спросить Себа, как он держится на самом деле. Броситься ему на шею, обнять, крепко-крепко. Лить по Стефани слезы, которые мог понять только Себ. Но слишком много времени минуло с тех пор, как их связывала такая крепкая дружба.

Прошло шесть лет с того момента, как Себ со Стефани переехали в Лондон, и разделившее их внушительное расстояние вполне предсказуемо сказалось на отношениях.

– Стеф... – начал было Себ, но тут же осекся.

– Она – что?

Обернувшись, он перехватил взгляд Милы.

– Ты знала? – спросил Себ. – Чем она занималась?

«Ты знала о наркотиках?» – явно хотел спросить он.

Мила покачала головой:

– Нет.

Что-то мелькнуло в его глазах. Облегчение?

– Я тоже, – сказал Себ. – Не проходит дня, чтобы я не корил себя за то, что не понимал этого. Но мне в какой-то мере легче от того, что она скрывала это от тебя.

Мила смутилась.

– Я бы не сказала, что она скрывала это от меня, Себ, – тихо произнесла она, не желая ссориться с ним в такой день, но осознавая, что он заслуживает честного ответа. – В последний раз я разговаривала со Стеф в день ее рождения.

Почти шесть месяцев назад.

Лицо Себа ожесточилось.

– Но ты – ее лучшая подруга.

Мила кивнула:

– Конечно. Просто...

– Тебе стоило быть в курсе ее дел, – отрезал он, жестко и грубо.

– Себ, Стеф всегда знала, что я готова прийти ей на помощь, но у нас были такие разные жизни! Мы обе были заняты...

Какое слабое, глупое оправдание! Мила понимала это. Как и Себ.

Наверное, все изменилось, когда они переехали в Лондон. Возможно, раньше. Какая теперь разница? Как бы редко они ни разговаривали в последнее время, Стефани оставалась ее Лучшей Подругой. Именно так: имя собственное, заглавными буквами. Вместе навсегда.

«Пока смерть не разлучит нас».

К глазам угрожающе подступили слезы.

Оправдываться словами, которым не верила даже она сама, было незачем. Мила могла лишь попробовать повернуть время вспять, став тем же близким другом.

Она потянулась к Себу, положила ладонь ему на руку.

– Себ, если я могу хоть что-нибудь сделать...

Он дернул плечом, сбрасывая ее руку. Его взгляд оставался непреклонным.

– Ну вот, теперь ты говоришь, как все остальные. Только пропустила немного насчет погоды.

И он ушел, а по лицу Милы заструились уже не сдерживаемые слезы.

Глава 1

Восемнадцать месяцев спустя

Мила отступила назад и, скрестив руки на груди, внимательно осмотрела множество фигурок перед ней.

Только-только из печи для обжига, драконы и другие мифические существа стояли аккуратными рядами, и их красочная глазурь отражала последние лучи солнца, проникавшие в единственное окно гончарной мастерской Милы.

Среди фигурок выделялся красный дракон о трех ногах. Шаткое крылатое чудовище с ужасно непропорциональными крыльями.

Компанию ему составляли другие существа, названия которым еще предстояло придумать ее маленьким ученикам.

Миле хватило одного обиженного десятилетнего ребенка, чтобы понять, что лучше не давать никаких определений фигуркам, которые она нахваливала. Теперь она восторгалась: «Великолепно!» А не: «Какой великолепный тигр!» Потому что на деле «тигр» вполне мог оказаться... зеброй.

Но сейчас она с удовольствием рассматривала плоды трудов детей младшего школьного возраста из начального класса своих курсов – нового смелого начинания ее магазина под названием «Гнездышко Милы». И с нетерпением ждала реакции детей, когда они увидят, что их блеклые фигурки из глины после обжига «облачились» в блестящую глазурь.

Звяканье колокольчика оповестило о том, что кто-то вошел в магазин. Мила бросила взгляд на громадные стенные часы – уже давно минуло пять, но она забыла вывесить табличку «Закрито».

Мила со вздохом вышла из мастерской. «Гнездышко Милы» было одним из четырех двухэтажных магазинов, стоявших вплотную на людной Клермонт-стрит. Над каждым магазином располагались жилые помещения. Мила разделила первый этаж на две части: маленький магазин с выходом на улицу и в задней части помещения – мастерская, где она проводила свои занятия по гончарному делу.

В магазине были выставлены работы Милы, практичные вещи – вазы, блюда, чаши, горшки и тому подобное. Она всегда пыталась сделать функциональное красивым и повседневное – уникальным.

Человек, вошедший в магазин, стоял спиной к ней, внимательно рассматривая товары в витрине. Он был высоким и одетым так, словно только что вышел со стройплощадки: в ботинки с металлическими носками, прочные на вид шорты до колен и запорошенную штукатуркой рубашку, обтягивавшую широкие плечи.

Он, должно быть, пришел из магазина по соседству. Пустовавший годами, этот магазин был на грани краха, и Мила вздохнула с облегчением, когда примерно неделю назад началась его реконструкция.

Взяв маленькую декоративную чашу, мужчина аккуратно покачивал ее в своей большой ладони.

– Эта вещь покрыта люстровой глазурью.

Мила подошла ближе и провела пальцем по слоистому металлическому покрытию.

– Если вы ищете что-то побольше, могу...

Но тут взгляд Милы скользнул с сильных рук рабочего на его лицо. Невероятно знакомое лицо, которое она совершенно не ожидала здесь увидеть.

– Себ! – потрясенно выдохнула она, в изумлении всплеснув руками.

Как на грех, ее пальцы зацепились за край крошечной чаши, и та упала на крепкий деревянный пол, разлетевшись на несметное число синих и серебристых осколков.

– Вот черт! – бросилась на колени Мила.

Себ ругнулся себе под нос и присел на корточки рядом с ней.

– Прости, – смущенно пробормотал он.

Ох, не так он все планировал!

Мила подняла глаза, взглянув на него сквозь свои темные кудри. Волосы Милы были короче, чем на похоронах, и это ей шло, заставляя ее большие голубые глаза казаться еще больше и подчеркивая ее знаменитые скулы, унаследованные от отца-киноактера.

– Ты не виноват, – сказала Мила. – Я просто удивилась, увидев тебя.

Она аккуратно сложила осколки миски в кучку, потом встала и, подойдя к входу в магазин, развернула бело-красную табличку с надписью «Закрито». Потом повернулась к нему, скрестив руки на груди, закрытой забрызганным краской фартуком.

Всего на какую-то секунду Себу показалось, что Мила рада его видеть. Но выражение ее лица тут же изменилось.

– Итак? – подтолкнула она.

Себ заранее продумал речь. Что-то вроде объяснения того, почему он не отвечал на множество ее звонков, электронных писем и сообщений в соцсетях на протяжении месяцев, прошедших с похорон Стеф, – пока Мила не отчаялась получить ответ.

Размышляя об этом, Себ пришел к выводу, что трудно было объяснить то, чего он и сам по-настоящему не понимал.

– Я облажался, – наконец произнес он. Коротко и ясно.

Мила вскинула брови, но от Себа не ускользнуло, что ее напрягшиеся было плечи немного расслабились.

– Я пыталась связаться с тобой вовсе не для того, чтобы мне стало легче, как ты написал. И не из-за угрызений совести, – пояснила Мила и, после долгой паузы, добавила: – Я волновалась о тебе.

А! Да, он ответил на один имейл. Себ помнил, как печатал ответ, злобно колотя по клавиатуре.

– Я был сам не свой.

Мила кивнула:

– Знаю. Жаль, что ты не позволил мне поддержать тебя.

Она подошла к нему и протянула руку, но тут же уронила ее, так и не решившись коснуться его. Только теперь Себ понял, что Мила не сердится на него. Он неверно истолковал прищур глаз, напряжение в мышцах...

Она насторожилась, а не разозлилась. Словно защищалась.

Он знал, что сделал ей больно на похоронах, и она все еще обижалась на него.

Удивительно, ведь Мила, которую он знал, всегда была такой уравновешенной. Такой сильной. Такой самоуверенной. Она не обращала внимания на всякие мелочи.

И все же он обидел ее – а ведь считался другом. Когда-то он был одним из самых близких ее друзей – и ни в коем случае не желал причинить ей боль. Мысль, что он все-таки сделал это, казалась ему невыносимой.

– Ты не облажался, – произнесла Мила после долгого молчания. – По-моему, в такой ситуации не существует каких-то правил. Мужчине, потерявшему жену, позволительно вспылить. Я – большая девочка. Как-нибудь переживу.

Она была слишком доброй, слишком понимающей...

– И все-таки я хочу попросить прощения, – сказал Себ. – Чтобы извиниться. За то, что я сказал на похоронах, и за все то, что было потом. Мы с тобой оба потеряли Стеф. Вот почему я здесь.

– Хорошо, я принимаю твои извинения. Но только если ты пообещаешь не присылать больше такие недобрые письма. Идет?

В ее глазах сверкнули искры. Те самые, что отличали сильную, дерзкую, упрямую Милу – и в подростковом возрасте, и сейчас.

– Идет, – с облегчением улыбнулся он.

Сейчас ей было двадцать девять. На год меньше, чем Себу. Она созрела и утратила угловатый подростковый облик, но по-прежнему оставалась той самой Милой Молинье, сопровождавшей большинство воспоминаний его детства. Себ жил за два дома от нее в элитном районе Пеперминт-Гров – хотя в ту пору они и понятия не имели о том, в какой привилегированной обстановке росли. Все трое – Стеф, Мила и Себ – заботились исключительно о том, каким будет их следующее приключение. Строить крепости, кататься на велосипедах, втайне ездить в магазины за пухлыми пакетиками леденцов... Да и потом, став старше, они умудрялись поддерживать дружбу, несмотря на то что их разделили по разным школам, учитывавшим гендерную специфику. Они вместе делали уроки, вместе тусовались.

Мила даже была первой девочкой, которую он поцеловал.

Себ не думал об этом долгие годы. А теперь вспомнил, какой катастрофой обернулся тот поцелуй, как неловко им было...

Мила с любопытством смотрела на него.

– Так что, устроишь мне экскурсию по своим владениям? – вернулся в настоящее он.

Мила твердо покачала головой.

– Не раньше, чем ты расскажешь мне, с какой стати так вырядился. – Она выразительно взглянула на его рабочую одежду.

Себ улыбнулся.

– Это длинная история. Как насчет того, чтобы сначала показать мне магазин? А потом я продемонстрирую тебе соседний и все объясню.

– Ну уж нет, – отрезала Мила. – Сначала покажешь ты – потому что я сгораю от желания узнать, с какой стати международный консультант по вопросам информационных технологий вдруг стал перестраивать соседний магазин.

– Что ж, – сдался Себ, расплываясь в улыбке, – это все по твоей вине, Мила.

– По моей вине? – Она изумленно ткнула себя в грудь.

– Так и есть, – заверил он и, схватив Милу за руку, повел ее к входной двери. – Что ж, пойдём.

И похоже, настал тот редкий случай, когда Мила Молинье совсем утратила контроль над ситуацией.

И Себу это понравилось.

Глава 2

Рука Себа ощущалась как-то непривычно.

Не грубо или что-то в этом роде. Просто... Мила не знала, как описать. Крепче? Словно это неожиданное превращение из заумного ботаника-айтишника в заправского рабочего произошло довольно давно.

Хотя... Откуда она вообще взяла, что это было непривычно? Сколько времени прошло с тех пор, как он держал ее за руку? Даже просто прикасался к ней?

Годы.

Вечность.

Пока Себ вел ее в соседний магазин, Мила пыталась вытряхнуть эти глупые мысли из головы. В конце концов, она бросила думать о его прикосновениях много лет назад.

– Клянусь, Стеф, он мне не нравится, совсем не нравится! Все в порядке.

Тринадцатилетняя Мила сумела выдавить из себя широкую улыбку, хотя не решалась встретиться взглядом с лучшей подругой.

Они сидели, поджав под себя ноги, на кровати Стеф, разделенные горкой взятых напрокат видеокассет, которые ожидали запланированного на всю ночь киномарафона.

– Уверена? – спросила Стеф. – Потому что...

– Да! – настойчиво бросила Мила. – Он – всего лишь мой друг. У меня нет к нему... романтических чувств. Никогда не было и никогда не будет. Обещаю...

Теперь же он, явно не придавая значения этому прикосновению, отпустил ее ладонь. Себ прошагал вглубь разгромленного магазина и широко раскинул руки, обводя вместительное двусветное пространство, а потом повернулся, выжидаяще глядя на нее.

Миле требовалось время, чтобы все осмыслить.

Прошло больше шести месяцев с его памятного имейла – в котором он недвусмысленно дал Миле понять, что не стоит больше выходить с ним на связь. Он заблокировал ее и «раздружились» с ней во всех соцсетях. Закрыв свободный доступ ко всем своим аккаунтам.

Он разом вычеркнул себя из жизни Милы. И, находясь на другой части света, она была бессильна хоть что-нибудь изменить.

Разумом она понимала, что Себу было тяжело, что он не хотел обижать ее. Но боль от этого не стихла.

Мила осмотрела разрушенное пространство. Со стен соскоблили штукатурку, оставив голые кирпичи, освещения пока не было. Сейчас, в сумерках, немного света пробивалось сквозь грязные треснувшие витрины и открытый дверной проем за спиной Милы.

Фактически это была большая, темная, пустая и грязная комната.

– Что ж, – начала Мила, – сейчас, когда я основательно впечатлилась, хочется послушать о твоих планах.

Уголки губ Себа смешливо дернулись вверх. Как же странно было видеть его в рабочей одежде! Себ всегда отличался восхитительными плечами, но теперь они стали мускулистыми. И да, бесспорно, он всегда был красивым. Но больше как худощавый, немного занудный парень – что вполне подходило его карьере в консалтинге в области информационных технологий и юношеской возне с хитрыми компьютерными штуками.

Теперь он выглядел мужчиной. Настоящим, зрелым мужчиной, в котором не осталось ничего от прежнего ботаника.

Себ всегда был самоуверенным – отчасти, видимо, потому, что с деньгами его семьи потерпеть неудачу в чем-либо было практически невозможно. Но, главным образом, он обладал врожденной верой в свои силы. Теперь же в нем сквозило нечто больше, чем прежняя самоуверенность... Непринужденность.

– Само собой. Хотя пока еще не о чем и говорить. – Он показал на дальнюю стену, где на кирпичях был приклеен плакат с планом. – Подробности – там, но ничего особенно интересного. Здесь будет оборудован розничный магазин моды, который я запускаю, – хорошее соседство для других магазинов в этом ряду.

– Моды? Так речь идет не о каком-то новом месте для «Файф технолджи»?

И как она поначалу решила, что это помещение на окраине подойдет многонациональной компании с филиалами по всей Европе, США, Австралии и даже офисом в центральном деловом районе Перта? В этом не было никакого смысла. Но ее все время отвлекали мысли о плечах Себа...

– Я продал «Файф», – беспечно бросил он.

Мила не поверила своим ушам.

– Что, прости?

Себ взглянул ей в глаза.

– Это было трудное решение. Папа сначала огорчился – он удалился от дел много лет назад, но все еще следил за работой компании. В итоге он все-таки понял, почему я так поступил. Почему мне нужно было сделать это.

– Почему же?

Себ пожал плечами:

– Чтобы заниматься тем же, чем и ты. Следовать за мечтами, а не утопать в куче денег своей семьи.

От неловкости Мила нервно сцепила пальцы.

– Не думаю, что могу служить хорошим примером хоть в чем-нибудь.

– Почему бы и нет? Ты ведь делаешь именно то, что хочешь, – получаешь собственный доход и идешь по собственной дороге. Разве это не замечательно?

Мила засмеялась.

– Ты немного пропустил. Я бросила два университета, четыре профессионально-технических курса и полностью проигнорировала советы всех, кто искренне желал мне добра.

– А ведь верно. – Он расплылся в своей великолепной улыбке. – И разве это не классно?

Мила задумчиво потерела волосы. Да, она гордилась тем, чего достигла, гордилась, что жила независимо от своего огромного до неприличия трастового фонда, но то была она... А Себ... Он встал во главе и без того успешного бизнеса своей семьи и сделал его еще прибыльнее. Расширил «Файф», запустив филиалы по всей Европе, и превратил многомиллионную империю в многомиллиардную.

– Я сбита с толку, – призналась Мила. – Стеф всегда говорила мне, как ты любишь свою работу. Как ты радовался расширению компании, как...

– Как я любил работу больше, чем жену? – закончил он за нее.

Ужасные, резкие слова повисли в воздухе между ними.

– Нет, – мягко произнесла Мила. – Она никогда такого не говорила.

– Тебе – нет.

Мила не знала, как реагировать. Нечто тягостное по-прежнему висело между ними.

– Что все-таки происходит, Себ? – решила Мила. – Я ни на мгновение не поверю, что твоя новая мечта исключительно по воле случая стала претворяться в жизнь в магазине по соседству с моим.

Себ слабо, безрадостно улыбнулся.

– Ладно, дело вот в чем. Я продал компанию, пожертвовав внушительную часть вырученных денег в благотворительный фонд по борьбе с наркоманией, потом отложил кое-что для своих будущих детей. У меня нет ни малейшего намерения иметь их – это же касается и жены, – но мой адвокат настоял, чтобы я предусмотрел это. Потом я выделил себе довольно скромную сумму, – на те деньги, что он назвал, можно было купить великое множество мага-

зинов, – на развитие моего нового предприятия. Речь идет о строительной компании. Я начал с маленьких строительных проектов вроде этого, хотя подумываю приступить к реализации планов посерьезнее – жилой застройке, а со временем и к возведению офисных башен.

– Значит, ты мечтал не возиться целями днями с компьютерами, а строить небоскребы? Себ покачал головой:

– Нет, я мечтал заниматься тем же самым, что и мой отец, но лучше. В этом-то и заключалась проблема. Вся свою жизнь я осознанно шел по стопам отца. И наконец-то понял, что я это перерос. Что я сам могу создать компанию с нуля. – Он помолчал. – Когда мои сотрудники порекомендовали мне купить это место, я не знал, что оно – рядом с твоим магазином. Но потом, изучив данные, я это понял. Именно поэтому я и принял окончательное решение...

– Так ты купил это место из-за меня?

– Нет. Я лишь хотел купить помещение по адекватной цене – и в данном случае это получилось. Вопрос заключался в том, сообщать ли тебе об этом.

Теперь перед Милой стоял хорошо знакомый ей бесчувственный бизнесмен.

Она снова взглянула на план здания. В углу стояли логотип компании и название: «Гелиотроп констракшн». Себ назвал компанию в честь растения с фиолетовыми цветками, вспомнив о жене.

– Стеф... – выдохнула Мила.

– Совсем неоригинально, – констатировал Себ. – Но если Стеф могла назвать свою марку одежды «Фиолетовый», я подумал...

– Мне нравится, – одобрила Мила.

Но Себ не стал заостряться на этом.

– Я не хотел связываться с этим местом, чтобы свести к минимуму риск столкнуться здесь с тобой. Но сколько можно было трусить? Я ведь вернулся в Перт несколько месяцев назад. Я не мог бегать от тебя вечно.

Несколько месяцев назад? Миле стало обидно, хотя она давно уже смирилась с его отказом общаться.

– Я подумывал позвонить. Не хотел писать тебе по электронной почте. Я должен был извиниться лично. Покупка этого места подтолкнула меня к действиям. Прости, – снова сказал он. – За то, что пришлось ждать так долго. С тех пор как Стеф... все пошло не так. Я был сам не свой...

– Понимаю, – ответила она.

Некоторое время оба молчали. Мила не знала, что и думать, – Себ успел стать ее прошлым, но теперь неожиданно ворвался в ее настоящее.

– Надеюсь, я не слишком опоздал, – заметил Себ.

– Для чего? – растерялась Мила.

– Для того чтобы все уладить. – Он неотрывно смотрел на нее. – Я надеялся... Вы со Стеф были самыми близкими моими друзьями. Стеф ушла навсегда, но мы-то по-прежнему есть друг у друга! Я хочу, чтобы ты снова была в моей жизни, Мила. Если ты мне позволишь.

В глубине души Миле хотелось улыбнуться и ответить Себу: «Конечно!» Она уже сказала ему, что простила его поведение. Но ей все еще было больно. Очень. Потому что в ее жизни случилось уже достаточно историй, когда ее отвергали, – последний раз это произошло по инициативе ее бывшего жениха. И она никак не могла взять в толк, что же сейчас происходит.

Возможно, было бы лучше оставить дружбу с Себом в прошлом. Вспоминая, что она чувствовала сегодня, когда Себ держал ее за руку, как сила его пальцев отзывалась теплом в самом низу ее живота, Мила путалась в собственных чувствах.

Полтора года назад Себ потерял жену. И он был мужем Стеф. Не стоило думать о ширине его плеч и силе рук.

Мила решила, что лучше держаться от него на расстоянии. Они могут общаться, но такой дружбы, как в детстве, уже не вернуть.

Себ, должно быть, уловил раздражавшие Милу противоречия.

– Что ж, – признал он, – возможно, я все-таки опоздал.

Себ в упор смотрел на нее, но теперь его глаза не выдавали ровным счетом ничего, ни единой эмоции.

И тут Мила осознала, что он действительно хотел восстановить былую дружбу. Это было нечто большее, чем попытка принести извинения и искупить свою вину. И почему же появление Себа так взволновало ее?

Она давно пережила смятение безответной любви и всепоглощающую тоску от того, что твоя лучшая подруга вышла замуж за парня, в которого ты в первый раз влюбилась. С которым ты в первый раз целовалась.

Это было целую вечность назад. И бабочки в ее животе ничего не значили. Да и отталкивать Себа Миле не хотелось. Она так скучала по нему...

– А ты и правда хочешь экскурсию по моей гончарной студии? – спросила она.

Себ торжествующе улыбнулся.

– Ведите, мисс Молинье!

И Мила улыбнулась в ответ.

Глава 3

– Тук-тук!

По магазину Милы разнесся знакомый женский голос, сопровождаемый нетерпеливым грохотом задней двери мастерской.

– Мила! – позвала Айви. – Ты не можешь побыстрее? Ну пожалуйста! Мне так нужно в туалет!

Улыбнувшись, Мила бросилась встречать свою сестру. Племянник Милы, Нейт, мирно лежал в детской коляске по другую сторону защищавшей от насекомых сетки на двери мастерской. Ребенок выглядел сущим ангелом, хотя Айви вечно заверяла в обратном.

– Мила? Я не шучу. У меня примерно пятнадцать секунд. Возможно, даже десять.

Мила быстро щелкнула замком, и Айви промчалась мимо нее к маленькому туалету в углу мастерской, которым обычно пользовались ученики Милы.

– Когда-нибудь ты поймешь, – бросила на ходу Айви и хлопнула дверью туалета, бормоча что-то об «этих тяжелых детях».

Мила вышла на улицу и села на корточки перед коляской Нейта. В пухлом кулачке Нейт сжимал почту Милы, которую Айви забрала из почтового ящика у ворот за домом. Нейту явно понравилась рекламная «макулатура», и он радостно рассматривал аляповатые цветные магазинные буклеты.

Мила точно не знала, сколько сейчас Нейту – наверное, месяцев девять? Во всяком случае, он только что начал ползать и лопотать что-то бессмысленно-мелодичное. Он был таким красивым, с длинными ресницами и густыми вьющимися белокурыми волосами. Ресницы и волосы Нейт явно получил от своего отца – хотя Мила пока не могла разглядеть даже намека на громадного мужа Айви, военного Специальной авиационной службы, в нежном, прекрасном, как с картинки, Нейте.

Айви забегала регулярно, объясняя это тем, что Нейт не хочет спать днем в своей кроватке. Миле же казалось, что так проявлялся инстинкт старшей сестры, заставивший Айви начать проводить ее сразу после смерти Стеф.

Мила всегда была привязана к обеим своим сестрам – но в детстве, когда они жили с родителями, Айви вечно пропадала на работе. Теперь они компенсировали недостаток общения, и Миле хотелось дарить Нейту заботу и время.

Она наклонилась ниже, чтобы поцеловать его бархатистую щечку.

– Знаешь, чего бы мне хотелось? – спросила Айви, когда они с чашками чая устроились на старой деревянной скамье, стоявшей у стены мастерской. – Чтобы я могла вернуть все те часы, что впустую потратила за прошедшие годы, и использовать их сейчас. Я так занята, с этими мамамиными заботами рехнуться можно!

Мила вскинула брови.

– У тебя не было времени, которое ты тратила впустую, – напомнила она. Старшая сестра всегда была честолюбивой, целеустремленной – и ее чуть ли не с пеленок готовили к тому, чтобы возглавить горнодобывающую империю Молинье.

Айви пожала плечами:

– Наверное.

Мила улыбнулась. Айви никогда не признавала свою одержимость работой.

Сестра наклонилась ближе и приглушенно произнесла:

– Это звучит ужасно, но я от души наслаждаюсь, возвращаясь к работе на несколько дней в неделю. И я справляюсь с делами. Вчера я устроила для «Молинье майнинг» совместный проект с британским концерном. А сегодня я обнаружила, что Нейт больше не любит бобы.

– Не волнуйся, – усмехнулась Мила. – Никто ведь тебя не осуждает.

– Да, знаю, – вздохнула Айви. – Но у меня появилось материнское чувство вины.

– Эй. – Мила перехватила взгляд Айви. – Не расстраивайся из-за того, что наслаждаешься карьерой, которую боготворила до появления Нейта на свет. Он знает, что ты его любишь.

– Так сильно, что и словами не описать. – Сестра надолго замолчала, и ее нижняя губа предательски задрожала. – О боже, я вот-вот зареву! Теперь я даже не могу свалить всю вину на гормоны, отвечающие за грудное вскармливание.

Мила придвинулась к сестре. Прижавшись плечом к плечу, они с Айви молча сидели вместе.

– Хочешь пирога? – спросила Мила. – Одна из моих учениц испекла...

Услышав звяканье открываемой двери магазина, Мила вскочила с места и, рассеянно махнув в сторону маленького холодильника на кухоньке мастерской, бросилась прочь из комнаты.

– Доброе утро... – начала Мила, но тут же осеклась.

Перед ней стоял Себ.

– Привет! – расплылась она в улыбке. Мила пока не определилась, как относиться к восстановлению их общения, но не могла отрицать, что обрадовалась при виде Себа.

Он язвительно скривил губы, заметив чашку в ее руке, и не преминул «подколоть»:

– Напряженный день?

Мила пожала плечами:

– Сегодня меня буквально завалили заказами по Интернету, после того, как одна из моих вещей появилась в последнем номере журнала «Идеи для дома». Магазин составляет малую часть моего дохода, – объяснила она, – что оставляет много времени для чая, не отягощенного угрызениями совести.

– Что, правда? – усмехнулся Себ. – Прямо малую часть?

– Восемнадцать целых двадцать три сотых процента. На одну целую девять десятых процента меньше по сравнению с предыдущим кварталом.

– Ну, опять ты за свое! Мила и ее цифры.

Помнится, в школе ее не интересовало ничего, кроме математики. Мила засмеялась:

– Я должна была хотя бы наполовину так же знать остальные предметы, иначе мама отстрелась бы от меня!

– Она вряд ли это сделала бы. – Айви небрежно прислонилась к дверному проему мастерской, переводя взгляд искрящихся любопытством глаз с Милы на Себа.

Повисла пауза – это сестра осматривала Себа в непривычной для него рабочей одежде.

– Я и не знала, что ты приехал погостить в Перт. Рада тебя видеть.

«Не при печальных обстоятельствах», – словно хотела добавить сестра, и при воспоминании о Стеф сердце заныло у Милы в груди.

– Не погостить, – объяснил Себ. – Я вернулся. Навсегда.

Последние три слова он произнес, глядя на Милу, и все перевернулось у нее внутри.

Нет. Она не могла испытывать такой трепет по отношению к мужу лучшей подруги. Нужно было хоть чем-то себя отвлечь. Пока Себ рассказывал Айви о своем новом деловом начинании, Мила поставила чашку на столешницу, потом зачем-то протерла тряпкой вазы в витрине.

– Мила?

– Прости, сейчас не самое удачное время. – Не поднимая взгляда, Мила стала тереть несуществующее пятно на сине-зеленой глазури. Нужно казаться по-настоящему занятой, тогда Себ поспешит исчезнуть.

– Для чего?

Она выпрямилась, обернувшись к нему, и скрестила руки на груди. Сейчас, в присутствии Айви, Мила не знала, что сказать. «Это не самое удачное время, чтобы снова почувствовать влечение к мужу моей лучшей подруги?»

Ее молчание затянулось, и Себ спросил:

– По-моему, ты была не против, чтобы мы снова стали друзьями?

– Да, – признала Мила. Сейчас она нужна была ему. Но ей требовалось время. Чтобы привыкнуть к миру, в котором она сосуществовала с Себом уже без того факта, что он – муж ее лучшей подруги, останавливавшего любой трепет сердца или покалывание кожи.

– Ты все еще играешь в теннис? – Голос Милы прозвучал чуть громче, чем она рассчитывала.

– Время от времени.

– Классно! – воскликнула она еще громче. – Давай на этой неделе, чуть позже, снимем корт. Поиграем.

Это был гениальный план. Находиться на расстоянии друг от друга. Лупить по мячу.

– Конечно... – немного смутившись, протянул Себ.

– Классно! – повторила она. – Классно!

А потом он, наконец, ушел, звякнув дверным колокольчиком, и с уст Милы сорвался громкий вздох облегчения.

Айви решительно прошла вглубь магазина, до мозга костей являя собой ворочающую миллиардами деловую женщину, которой требуется точно знать, что происходит. Но не успела она и рта открыть, как из мастерской донесся тихий сонный плач.

– Позже, – бросила Айви через плечо и возвратилась к сыну.

– Молодец, Нейт, – похвалила Мила.

Теперь у нее было время, чтобы придумать, как объяснить все сестре. Ведь Айви ничего не знала о безответном подростковом романтическом увлечении Милы. Как, впрочем, и Эйприл.

И никто никогда не должен был узнать о том, что это увлечение не исчезло.

Себ оперся плечом о переднюю стену своего магазина. Изнутри доносились гул и стук строительных работ, а долговязый разнорабочий вез в дребезжащей тележке белые пластиковые ведра с каменными обломками к стоявшему у обочины контейнеру.

Встреча Себа с прорабом прошла хорошо. За плечами Ричарда было тридцать лет опыта, и он точно знал, что делал. Собственно говоря, он знал больше Себа, хотя это же можно было сказать о любом работнике строительной сферы.

Это беспокоило Себа. С малых лет он понимал, что в один прекрасный день возглавит компанию своего отца. Как и в случае Айви, старшей сестры Милы, его судьба была предрешена, и Себ старался изо всех сил, чтобы быть достойным такой чести.

Это предполагало компетентное понимание того, чем занимались его подчиненные.

Себ получил диплом с отличием в области компьютерных наук и мог написать программу не хуже своих разработчиков. Потом, начав принимать дела у отца, получил степень магистра делового администрирования.

Он не притворялся, что мог выполнить любую работу в своей гигантской компании, – ему это и не требовалось, но считал, что должен быть готов пойти на любую встречу, в любом офисе «Файф» по всему миру, и компетентно разбираться во всех вопросах.

С новым проектом ему предстояло пройти еще очень длинный путь.

Себа волновало, что он почти ничего не знал о брусках, деревянном основании пола, креплении потолка, кровельных работах, двутавровых балках и...

Он всегда интересовался разными инструментами, мечтал подробнее изучить все аспекты строительства, а однажды разобрал ванную перед ремонтом в лондонской квартире – этим и ограничивался его опыт в строительной индустрии.

Помнится, Стеф советовала ему отдохнуть от дел и заняться тем, что нравится, – например, пойти на курсы выходного дня, чтобы лично покрасить все в доме. А то Себ три раза возвращал профессиональных маляров, чтобы добиться безупречного результата. Увы, он был одержимым работой перфекционистом – и не собирался отдыхать от работы в «Файф».

Ничто не стоило этого. И уж точно не хобби под названием «Сделай сам».

– И не я, – не раз говорила ему Стеф. – Даже не я.

Себ допил остатки кофе в картонной чашке, невидящим взором скользя по небу, оживленному уличному движению, названию компании на боку помятого контейнера...

Он где-то читал, что горе накрывает будто волной. Сначала волны бьют, яростно колотят, едва оставляя шанс глотнуть воздуха перед очередной атакой. Но потом, по прошествии немалого времени, волны начинают накатывать реже, между ними уже можно дышать. Снова как-то существовать.

Иногда даже получается справиться с этими волнами, взять себя в руки и выплыть на поверхность. Хотя обуздать можно не каждую волну. Некоторые подкрадываются и обрушиваются с невероятной силой, как в самом начале.

Каждое воспоминание о Стеф... каждое напоминание о его ошибках... о том, что он мог бы сделать... должен был сделать... Легче от этого не становилось.

И Себ понял, что волны не стихли. Он лишь научился лучше плавать.

Чьи-то шаги отвлекли его от печальных мыслей. Подняв взгляд, Себ увидел Милу, решительно шагавшую по дорожке, уткнувшись в экран мобильного. Подойдя ближе, она подняла глаза и, на миг встретившись с Себом взглядом, поспешила снова их отвести.

И тут Мила снова посмотрела на него, так, словно только что его заметила, и остановилась.

– Я и не увидела тебя там, – сказала она.

Себу вдруг показалось, что, заметь его Мила раньше, она наверняка ускользнула бы через заднюю дверь своего магазина. Себ расстроился. Почему она избегала его?

Он оттолкнулся от стены и расправил плечи, смущенный тем, что Мила могла уловить владевшие им смятение и печаль.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Конечно.

Мила подошла ближе, потянувшись к нему, положив пальцы чуть выше его запястья. Холод ее руки пронзил нагретую солнцем кожу Себа.

– Знаешь, что я нашла вчера вечером? – сказала Мила, когда он сфокусировал взгляд на ее ногтях, покрытых темно-красным лаком. – Тот фотоальбом, который Стеф сделала после нашей поездки на Бали, когда нам было лет по двадцать. Помнишь? Наши первые каникулы без родителей. Мы считали себя такими взрослыми!

Себ кивнул, вспомнив, как они отправились на отдых с компанией их со Стеф друзей из универа. Мила в то время бросила очередную учебу, но, разумеется, поехала с ними, – как, впрочем, и всегда.

– Помнишь парня, с которым я встречалась? Из Мельбурна? – засмеялась она. – Такое ничтожество!

Она тут же посерьезнела, покачав головой:

– Вчера вечером мне захотелось увидеть Стеф – увидеть ее счастливой, с тобой и... мм... со мной, конечно.

Мила заговорила оживленнее, и Себ наконец-то взглянул ей в глаза. Она казалась выше – наверное, за счет туфель на каблуках – и стояла гораздо ближе, чем он ожидал.

– Я улыбалась, вспоминая ее. И плакала. – Ее пальцы крепче сжали его руку, словно ища поддержки. Мила не сводила с Себа своих огромных голубых глаз. – Я пытаюсь сказать, что это все – со мной. Те моменты. Минуты. Часы.

– Дни...

Но он осекся, удержав себя от перечисления остального: недели, месяцы... Потому что осознал: это неправда. Уже нет.

Мила тоже поняла это.

– С тобой все в порядке? – снова спросила Мила.

Он кивнул. Волна горя, вины и потери схлынула.

Мила все еще сжимала его руку. И оба, похоже, только сейчас осознали это. Теперь ее прикосновение ощущалось иначе, не холодное и не успокаивающее. Ее пальцы ослабили хватку, но остались на месте.

Ее глаза, казалось, немного замерцали, скользнув по его лицу.

Себ вдруг вспомнил, как лет в пятнадцать Мила втянула Стеф в свое увлечение готами. Он уже забыл, в чем был смысл, но в памяти осталось много депрессивной музыки и жирной подводки для глаз.

– У тебя потрясающие глаза, – вдруг выпалил он.

Эти потрясающие глаза распахнулись – и Мила отступила назад, отдернув руку.

– Что?

Себу тут же стало не хватать ее прикосновения – настолько, что это взволновало его. Хотя он и не мог понять, почему.

– Я вспомнил, как сильно ты красила глаза в старших классах школы. Я ненавижу эту подводку! Ты выглядишь прекрасно просто вот так.

Щеки Милы зарумянились, но глаза сощурились.

– Я не спрашивала твоего совета по поводу макияжа.

Он опять облажался. Перед ним снова предстало это замкнутое, настороженное выражение лица.

– Я не это имел в виду...

– Слушай, мне пора. – Она уже отступила на несколько шагов по дорожке.

– До встречи на теннисе? – бросил Себ. Вчера они обменялись эсэмэсками, договорившись поиграть завтра вечером.

Мила направилась вперед, не оглядываясь.

– Да, – бросила она с таким волнением, словно Себ напомнил ей о предстоящем визите к стоматологу.

Глава 4

Мила въехала на стоянку теннисного клуба, когда последние лучи солнца померкли. Спустя мгновение после того, как она перекинула теннисную сумку через плечо, зажглись прожекторы, освещая темно-синие корты с твердым покрытием и травянисто-зеленым ограждением.

Стоянка была почти пустой.

Видавший виды седан с временными ученическими правами за стеклом принадлежал, скорее всего, одной из девочек-подростков, разминавшихся перед парной игрой, а престижный красный спортивный внедорожник – одному из двух парней примерно возраста Милы, которые, смеясь, небрежно перебрасывали мячик по корту.

Судя по флюоресцирующей спецодежде, брошенной на заднем сиденье машины, эти парни были обеспеченными рабочими, которые трудились вахтовым методом.

Мила никогда не смогла бы так жить. В юности она много раз бывала на принадлежащих Молинье шахтах и, цenia первобытную красоту Пилбары, все-таки мучилась от ощущения полной изоляции.

Себ еще не приехал, поэтому Мила откинулась на спинку водительского сиденья своего скромного маленького хэтчбэка, от дверцы которого еще исходило тепло весеннего солнца. Два парня, которых Мила отнесла к рабочим-вахтовикам, посерьезнели, их смех раздавался теперь только между розыгрышами мячей. Она невидящим взглядом смотрела, как мяч со стуком перелетал между ними, уносясь мыслями далеко-далеко...

Мила долго считала, что пошла скорее в отца, чем в мать. Она даже внешне была похожа на Блейна Спенсера – только не унаследовала его белокурые волосы.

У нее были ярко-голубые глаза отца. «Глаза, которые заставят весь мир влюбиться в него», – как выразился один кинокритик в старой газетной вырезке, которую Мила нашла в какой-то книге спустя много лет после того, как отец ушел из семьи, бросив ее совсем малышкой.

В шестнадцать лет она в ярости сожгла ту заметку, когда отец снова подвел ее. Но до сих пор помнила каждое слово.

На парковочное место рядом с ней заехал глянцевиый, темно-серый, низкой посадки роскошный автомобиль. Оттуда вышел Себ и повернулся, опершись предплечьем на крышу машины.

Он улыбнулся, глядя на Милу в отсвете сияющей краски:

– Сейчас я тебя загоняю! Готова?

Тусклое освещение не позволяло рассмотреть его лицо. Но даже сейчас Мила чувствовала на себе его пристальный взгляд. Она вздрогнула, когда этот взгляд метнулся ниже, скользя по ее спортивной форме, состоявшей из бледно-розовой майки с круглым вырезом и черных шорт, а потом опустился еще ниже, к ее белым носкам и теннисным туфлям.

Себ что, рассматривал ее ноги?

Мила зажмурилась. Нет. Конечно нет.

– Насколько помню, я все еще лидирую в нашей схватке, – натужно засмеялась она.

Залившись смехом, Себ схватил теннисную сумку с сиденья и, обойдя машину, оказался рядом с Милой.

– По мне, так все наоборот!

Он был одет спортивно и повседневно, во все черное: в длинные просторные шорты и облегающую футболку. Этот наряд демонстрировал невероятно крепкие мускулы: бицепсы, трицепсы, трапеции...

Мила тут же засомневалась в гениальности своей идеи о матче.

– Поверь мне... – произнесла она срывающимся голосом и закашлялась. – Сам знаешь, как я сильна в математике.

Пожав плечами, он снова улыбнулся, выбивая Милу из колеи.

Мила прошагала к кортам, открыла дверцу в высоком сетчатом ограждении и, подождав Себа, оживленно двинулась к месту их состязания.

Если честно, она не помнила точный счет в их борьбе. Они начали играть еще в начальной школе, и тогда Мила была лучше. Наверное, она сохранила неплохую форму, вот только Себ стал намного сильнее ее.

Теперь, положив сумку сбоку от сетки и доставая воду, ракетку и узкую коробочку новых теннисных мячей, Мила пыталась вспомнить, на сколько же очков лидировала. Увы, воспоминания, связанные с Себом и Стеф, давно померкли.

Себ стоял с противоположной стороны сетки, вытянув ракетку, упругие струны которой уже готовились отбить подачу.

Вскинув бровь, он спросил:

– Ты в порядке?

Мила уверенно кивнула:

– Да. Но я подумала... давай забудем о нашем счете. Начнем с чистого листа.

Себ расплылся в улыбке.

– А вот это мне нравится.

Мила опустила теннисные мячи на ракетку, потом сунула два в карман и направилась к исходной позиции на задней линии.

– Хотя, – добавил Себ, когда Мила повернулась к нему, – очень жаль, что ты не можешь просто признать поражение.

И Мила, рассмеявшись, ударила по мячу, начиная разминку.

Возможно, это была не такая уж ужасная идея.

Это была по-настоящему ужасная идея.

– Три – ноль, – радостно объявила Мила, когда они поменялись сторонами корта. Ее глаза так и сверкали в свете прожекторов, когда они прошли мимо друг друга у сетки.

И тут Себ понял: для восстановления дружбы с Милой явно требовалось больше одежды.

Как он вообще мог забыть эти ноги? Такие длинные, прямо-таки бесконечные...

Ладно, он не забыл. Ничто человеческое не было ему чуждо. Женившись на Стефани, он не перестал замечать красивых женщин.

Милу – уж точно. Но сначала это была объективная реальность, констатация факта: «У Милы Молинье – шикарные ноги». Что-то вроде: «Небо голубое. Я не люблю сырые помидоры». И все в этом духе.

Ничего больше.

И уж точно не эта... инстинктивная реакция на изгиб бедра и икру. Это сжатие внутри... этот жар, обдающий кожу... Внезапная реакция, будто удар под дых.

Подошел черед его подачи. Себ перевел дух, несколько раз отбил мяч и, качнувшись назад на пятке, подбросил его высоко в вечернее небо.

Шлеп.

Эйс. Отлично.

– Пятнадцать – ноль.

Но была ли она так внезапна? Его реакция?

После того, что он наговорил вчера, Себ убедил себя, что просто озвучил факт. У Милы действительно были потрясающие глаза. И лишь с уходом Милы он осознал, как от ее присутствия замедлился ритм сердца, а все тело расслабилось в приятной неге.

Шлеп.

Мяч приземлился слишком далеко. Мила улыбнулась и, перехватив взгляд Себа, сделала несколько шагов вперед, готовясь отбивать менее мощную вторую подачу.

Шлеп.

Себ вдруг ударил по мячу еще сильнее. Сейчас ему было не до тактических приемов.

– Аут! – возвестила Мила.

Она все-таки отбила далеко улетевший мяч, и Себ остановил его полет ракеткой. Несколько раз стукнув по мячу, он сунул его в карман.

– Пятнадцать – пятнадцать.

Перед новой подачей Себа Мила вскинула руку, знаком прося подождать. Себ наблюдал, как она возилась со своими волосами, убирая их за уши и закрепляя заколками, чтобы пряди не падали на глаза. В том, что она делала, не было ничего соблазняющего, – только вот майка облепила тело Милы, когда она вскинула руки. Под тонкой материей проступили очертания ее талии и груди.

Себ резко отвернулся, и впервые в жизни сокрушительный удар по твердой поверхности корта принес ему такое облегчение. Он почти физически ощутил это – удовлетворение от мышечной разрядки, позволившее отвлечься от неприличных мыслей о Миле.

Его подруге...

Лучшей подруге Стефани.

Отныне Себ понимал лишь одно: Мила должна снова стать частью его жизни. Платонически. Потому что, даже если она каким-то невероятным образом сочла бы его привлекательным, ни о каких отношениях не могло быть и речи.

Ни с Милой, ни с любой другой женщиной.

Он отошел на заднюю линию.

Шлеп.

Эйс.

– Тридцать – пятнадцать.

После Стефани у него были женщины. Две, если быть точным. Бессмысленные, ничего не значащие связи. В затуманенном горем состоянии он забредал в лондонские бары, а потом даже не мог вспомнить имен своих партнерш. Он просыпался в одиночестве и еще более опустошенным – поэтому решил остановиться.

С последней связи прошло много месяцев. Почти год.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

– Сорок – пятнадцать.

У него не получилось со случайным сексом – и точно не получилось с браком. Себ едва мог припомнить, когда последний раз спал со Стефани, – он всегда работал до поздней ночи. А когда приходил домой, между ними ощущалась дистанция. Он отмахивался от Стеф, когда она пыталась заговорить с ним.

Он отчетливо помнил очертания ее тела, когда она спала в их постели, спиной к нему. Всегда.

Он не находил времени для Стеф и упорно игнорировал ее беспокойство по поводу их брака. Недостаток общения, недостаток близости – фактически, их пути разошлись уже давно.

Он причинял боль тем, кого любил. Ему не стоило заводить отношения. Это ведь он подтолкнул свою жену к катастрофическому выбору.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

Мила дотянулась за посланным Себом через весь корт мячом и отбила его высокой «све-чой». Себ побежал к сетке, ожидая, что мяч вот-вот прилетит и он сможет отбить его сокрушительным ударом сверху вниз. Он вскинул ракетку, приготовившись.

А потом, подгоняемый всеми неловкими, неприятными, нежеланными эмоциями, бурлившими у него внутри, размахнулся и...

Смэш вышел превосходным – прямо в угол задней линии. У Милы не было ни малейшего шанса достать мяч, но она все-таки попыталась, вытянув ноги, руки и ракетку до абсолютного предела.

И тут Мила споткнулась, рухнула на корт, немного проскользив по его безжалостно жесткому покрытию.

Прежде чем она успела затормозить, Себ со всех ног бросился к ней.

Она с усилием села, вытянув красные, в царапинах ладони.

– Ой, – слабо улыбнулась она.

Себ опустился рядом с ней.

– Ты в порядке?

Колоссальным усилием воли Себ удержался от желания сжать Милу в объятиях. Он с тревогой окинул ее взглядом в поисках каких-нибудь признаков ран.

Мила осторожно вытянула ноги, потом покрутила лодыжками.

– Похоже, все в порядке, – констатировала она, подняв на него взгляд.

– Не совсем. – Себ потянулся и аккуратно повернул ее руку, чтобы Мила увидела неглубокие царапины, испещрившие кожу по всей длине. На отвратительных красных линиях выступили капельки крови.

– Выглядит хуже, чем ощущается.

– А ты – крепкий орешек, Мила Молинье.

Она снова еле заметно улыбнулась.

– Иногда.

Как и накануне, их взгляды встретились. И Себ вновь потерялся в ее невероятных голубых глазах. На сей раз он уже не притворялся, что лишь констатирует очевидное и восхищается Милой исключительно по-дружески.

Нет, то, что он чувствовал сейчас, больше напоминало его ощущения в возрасте четырнадцати лет. Как и тогда, гормоны грозили взорвать его тело изнутри, а мозг отказывался функционировать.

А он и забыл... Забыл, каково это – смотреть на Милу так, видеть ее так – хотеть ее так. Прошло столько времени...

Но как она смотрела на него? Совсем не с отвращением, как ожидал Себ, которое он заслужил, позволив себе с вождением пялиться на свою подругу. Скорее как...

Оглушительный вопль с соседнего корта испортил это мгновение. Себ поднял взгляд. Двое парней закончили матч, и тот, что был ниже ростом, завершал триумфальное шествие вокруг сетки.

Тем временем Мила поднялась на ноги.

– Три – один, – твердо сказала она, уже без намека на то, что Себ успел заметить в ее глазах. – Моя подача.

Глава 5

Телефон Милы завибрировал под прилавком, когда она аккуратно заворачивала покупку клиента в тонкую оберточную бумагу.

Пожилой джентльмен купил весьма вычурную салатницу с асимметричным ободком и брызгами блестящей небесно-синей глазури. Он объяснил, что это для его внучки, которая только что съехала из дома с целой горой семейного скарба. Пусть у нее будет хоть что-то свое собственное.

После его ухода Мила вытащила телефон и оперлась бедром о прилавок. Пятница выдалась напряженной, с наплывом покупателей, искавших подарки. У нее оставалось еще полчаса до прихода напарницы, Шери, и до начала занятий, – урчащий живот напомнил Миле, что пора бы и перекусить.

«Ланч?»

Как она и ожидала, это была эсэмэска от Себа.

«Конечно. „У Педро“?»

Сообщения Себа стали привычным делом за эти две недели, прошедшие с их теннисного матча, и... Мила даже не знала, как это описать.

Напряженной ситуации? Неловкой? Щекотливой?

Взрывоопасной.

К счастью, Себастьян, судя по всему, ничего взрывоопасного не ощутил. Он лишь прикладывал все усилия, чтобы восстановить их дружбу.

Что, похоже, включало регулярную доставку ее любимого кофе – двойного, с молоком, и всего несколько дней назад переросло в совместные ланчи.

Они перекусывали в многолюдном новомодном бразильском кафе – «У Педро», а потом прогуливались до ее магазина и его реконструируемого помещения. Они не могли уединиться или поговорить по душам, что, казалось, устраивало их обоих.

Время от времени напоминание об их старой дружбе все же проскальзывало – они смеялись над шутками друг друга, обменивались понимающими взглядами и улыбками, как старые друзья. Но это случалось крайне редко. Большей частью между ними висела еле уловимая напряженность. Словно что-то изменилось после того падения Милы на теннисном корте. Когда во взгляде Себа она прочитала то, что заставило все у нее внутри таять, а ее кожу – гореть.

И, словно придя к молчаливому согласию, что это было неуместно, они довольствовались поверхностным общением. Мила знала: как только Себ переживет горе и угрызения совести, все вернется на круги своя. И ее жизнь потечет в привычном русле.

Телефон, все еще стоявший на беззвучном режиме, завибрировал в руке. На экране высветился незнакомый номер.

– Алло?

– Мила Молинье? – спросил женский голос с сильным американским акцентом.

Внутри Милы все оборвалось. Она знала, кто звонил.

– Слушаю, – ответила она личной ассистентке своего отца.

Какое-то мгновение, показавшееся бесконечным, она подумывала повесить трубку. Именно так поступили бы ее сестры. Но ведь Блейн Спенсер не потрудились позвонить им, не так ли? Он точно знал, какая дочь мирилась с его ложью и невыполненными обещаниями.

Такой она и была. Бесхарактерной, полной надежд, глупой дочерью.

– Лапочка!

– Мила, – поправила она, впрочем, как и всегда. – Мне не три года, папа. Столько ей было, когда он ушел.

– Но для меня – все еще да, моя милая девочка!

Каждый мускул в ее теле напрягся еще сильнее.

– Никаких шансов, что ты позвонишь мне сам, хотя бы один раз? – Она даже не пыталась скрыть разочарование. – Знаешь, найти мое имя в своем телефоне, нажать кнопку вызова. Это несложно.

– Только не начинай, Мила, ты ведь знаешь, какая тяжелая у меня работа!

Все как обычно: очередное Оправдание. Мила всегда мысленно писала это слово с большой буквы.

Их разговор обычно проистекал так:

«Почему ты не позвонил на <вставить важное событие жизни>?» «Ты ведь обещал, что приедешь на <вставить важное событие жизни>?»

А потом – Оправдание.

«Ты ведь знаешь, какая тяжелая у меня работа».

Но при этом неизменное: «Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, да?»

Ну конечно...

– Выходит, ты был занят своей тяжелой работой все три последних месяца, так?

В сущности, для него это было неплохо. Обычно отец звонил пару раз в год. Видимо, именно поэтому она и не повесила трубку.

– Да, именно так, – отозвался он, не понимая или игнорируя ее сарказм.

Если честно, Мила не знала отца настолько хорошо, чтобы понять его реакцию. Наверное, поэтому и цеплялась за иллюзию, что он был просто беспечным, а не эгоистичным горе-отцом, не понимающим, сколько боли причинил.

– Я только что прилетел в Сидней на премьеру моей новинки.

Он, как всегда, ожидал, что Мила знает о нем все.

– Какой еще новинки, папа?

– Фильма, – пояснил он, явно не веря своим ушам.

Мила закатила глаза.

– «Цунами». Режиссер – из Перта, так что австралийская премьера пройдет там завтра вечером. Сегодня я даю несколько интервью в Сиднее, потом, вечером, прыгаю на самолет. Ты не поверишь, у меня билет на последний рейс, потому что Серена понятия не имеет, как далеко этот чертов Перт...

Блейн Спенсер все говорил и говорил, но Мила уже не слушала.

– Подожди, папа. Ты летишь сюда?

– Серьезно, я бы не удивился, если бы она забронировала нам отель в Мельбурне вместо Перта. Все крупные города для нее одинаковы...

Он наконец-то осознал, о чем спрашивала Мила.

– Да, – ответил он, словно встреча с дочерью впервые за шесть лет была чем-то совершенно обычным, чтобы лишь мельком вклиниться в разговор. – Всего на одну ночь, – пояснил он.

Вполне в его духе: отец ни за что не продлил бы визит ради общения с дочерью.

– Понятно... – протянула Мила. Ей нечего было сказать.

– Если хочешь пообщаться, приходи на премьеру, – добавил он. – Завтра утром у меня интервью на радио, а потом большую часть дня мне придется проспать. Ты ведь знаешь, я совсем не могу спать в самолете.

Она не знала. Она вообще его не знала.

– Значит, если я не попаду на премьеру, мы не увидимся?

– Нет. Прости, милая. На этот раз я не могу остаться.

Ну вот, начинается...

– Уже стартовала подготовка к съемкам моего следующего проекта. Пора приступать к работе!

Мила надолго замолчала. С языка уже рвались не самые вежливые слова. Приглашение, сделанное в последнюю минуту, то, что он умудрился переложить ответственность за их встречу на ее плечи, совершенно не заинтересовал ее планами на уик-энд... Да и вообще всей ее жизнью.

Что тут, собственно говоря, нового?

Если – каким-то чудом – Блейн узнал бы номер Айви или Эйприл, и кто-то из них не успел бы вовремя повесить трубку, сестры отреагировали бы на это с позволения сказать приглашение однозначно.

Словом «нет». Очень ясным, очень четким. Твердым «нет», за которым скрывалось бы что-то вроде «Я лучше отдраю туалет, чем потрачу время на тебя!».

Они обе пришли бы в ярость даже от того, что Мила допускала встречу с ним. Даже от того, что она ответила на его звонок.

Звяканье дверного колокольчика на миг отвлекло Милу от разговора с отцом.

Это пришел Себ. А кто же еще?

Он жестом дал понять, что подождет снаружи, но Мила вскинула руку, прося его остаться. Телефонный разговор не занял бы много времени.

– Пусть Серена пришлет мне подробности по электронной почте, – решила Мила.

– Так ты придешь?

Вот в чем было дело. Вот причина, по которой она в любую минуту готова была бежать на премьеру отца. Это самое мизерное предположение, что его мог волновать ее отказ увидеться с ним. Намек на то, что он искренне хотел встретиться с младшей дочерью.

В конце концов, для чего еще он пригласил бы ее?

Тьфу, она ведь столько раз зарекалась от этого!

Но она ничего не могла с собой поделать...

– Увидимся завтра, – начала Мила, но отец уже вернул трубку своей ассистентке. Мила с досадой покачала головой, но не могла не улыбнуться при виде Себа.

– Кто это был? – спросил он, подходя к прилавку.

За спиной Мила услышала знакомый скрип и стук задней двери мастерской, возвестивший о приходе Шери.

– Папа, – просто ответила Мила. Она подумывала солгать Себу – темы о неполных семьях и родителях-авантюристах как-то не подходили их легкомысленным беседам. Но, с другой стороны, – это ведь был Себ.

Интересно, а как он отреагирует на то, что она все еще общалась со своим отцом? Разозлится, как Айви и Эйприл?

Себ знал всю историю. Он наблюдал печальные последствия выходок Блейна Спенсера, выслушивал жаркие речи Милы и однажды – в тот ужасный шестнадцатый день рождения – стойко вынес поток ее слез и готическую подводку для глаз на своей футболке, пока Мила отчаянно цеплялась за него со Стеф.

Она ожидала увидеть жалость. Жалость к женщине, которая – в свои почти тридцать – в эмоциональном развитии ушла не так далеко от себя шестнадцатилетней. По крайней мере, в том, что касалось ее отца.

Он был бы прав и в жалости, и в злости. Мила и сама злилась на себя.

– Готова идти? – вместо этого спросил Себ. – Умираю с голоду.

А потом он улыбнулся. И в этой улыбке было понимание – и ни капли осуждения, гнева. Именно то, что ей так сейчас требовалось.

Как и ланч, проведенный за рассматриванием витрин по дороге, поеданием бразильских хот-догов с колбасой чоризо и разговорами о всяких пустяках.

До тех пор, пока они не вернулись к магазину Милы, откуда уже доносилась болтовня ее учеников.

– Я иду с тобой, – постановил Себ, твердо и резко. – Понятия не имею, где ты с ним встречаешься и какие у тебя планы, но я буду с тобой. По крайней мере, пока своими глазами не увижу, что этот идиот действительно явился на встречу с дочерью, которой недостойн.

Мила растерянно моргнула.

– Ты пойдешь со мной?

– Да. Скинь мне эсэмэской подробности, которые пришлет тебе ассистентка этого эгоистичного придурка.

Мила невольно рассмеялась вместо того, чтобы спорить, – а потом Себастьян поспешил удалиться, не оставив ей шанса хоть что-то сказать. Хотя любые возражения отдавали бы фальшью. Мила от души радовалась, что Себ будет рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.